

ВСТУПЛЕНИЕ

К теме, обозначенной в названии этой книги, впервые я обратился в 2000 году, еще не зная термина «историческая политика». В то время меня занимала тема переписывания истории — в основном как проблема развития дисциплины. В середине нулевых мне по стечению обстоятельств довелось возглавлять комиссию Министерства образования и науки по истории, занимавшуюся формальной экспертизой учебников по истории. Знакомство с содержанием большинства учебников по истории Украины в некотором смысле было настолько впечатляющим, что подвигло обратиться к вопросам политического использования истории. Я предполагал, что при единстве установленных государством стандартов авторы учебников были свободны в выборе способов репрезентации и толкования материала, но содержание учебников было угнетающе однообразным. Как мне показалось, дело было не только в официально утвержденной единой программе, которой должно соответствовать содержание учебников, но и в чем-то другом. Это «что-то другое» и стало предметом моего интереса.

В 2006–2008 годах я стал свидетелем и «вовлеченным наблюдателем» масштабной государственной кампании по подготовке к 75-й годовщине голода 1932–1933 годов, получившего официальное название Голодомор. Пионерская готовность, с какой многие профессиональные историки включились в обслуживание госзаказа и «общественного интереса», производила на меня неизгладимое впечатление, тем более что я еще не забыл такую же ситуацию начала 1990-х.

Продвижение идеологемы, согласно которой голод 1932–1933 годов был организован с целью уничтожения украинской нации, явно противоречило некоторым базовым правилам и процедурам истории как научной дисциплины. Правда, при этом оно идеально вписывалось в идеологический и политический запрос части правящего класса и в то же время отвечало ожиданиям части общества, искавшего в «геноцидной» версии события объяснения жизненным проблемам и вызовам. Мои наблюдения за действиями историков показывали, что причина далеко не всегда (но и нередко) крылась в осознанном желании следовать политической конъюнктуре или в банальном приспособленчестве. Складывалось впечатление, что историки выполняли некую миссию...

Поскольку я сам в конце 1980-х — начале 1990-х был активным участником ликвидации «белых пятен» украинской истории, «критиком сталинизма» и убежденным «просветителем масс», я легко узнал формулы и стереотипы, которые считал пройденным этапом. Профессиональная украинская историография во многих своих проявлениях к середине нулевых уже явно переросла рамки классического национального канона, но историческая политика и подчиненная ее интересам историография воспроизводили его в неизменном — иногда достаточно карикатурном — виде. И в этом принимали участие мои коллеги, в базовой профессиональной квалификации которых трудно было усомниться. Не менее впечатляющей была реакция активных сегментов общества: как оказалось, вопросы прошлого по-прежнему волнуют их не меньше, а иногда куда больше, чем проблемы настоящего. Удивительно похожей выглядела и механика госзаказа и «общественного запроса»: часть элит и общества опять требовала «правильной» истории, хотя она уже прочно утвердилась в школьных учебниках, часть отстаивала «неправильную», при этом

все стороны воспроизводили практики советского образца. Даже запросы от государственных органов в академические институты, все эти «входящие–исходящие» выглядели так же, как запросы ЦК КПУ. Новым было лишь то, что круг запрашивающих значительно расширился.

Именно тогда я и заинтересовался механизмами возникновения и действия дискурсивных форм, оказывающих мощное влияние на общество и на тех, кто называет себя интеллектуалами. Так я пришел к необходимости изучения исторической политики. Результатом стала серия статей и книг, посвященных этому явлению на Украине, в России и Польше. Часть текстов, написанных в 2009–2015 годах, вошла в эту книгу, разумеется в значительно измененном и дополненном виде. События 2015–2017 годов и «третье переиздание» идеологически мотивированной версии национальной истории продемонстрировали тот уровень повторяемости, который действительно достоин скрупулезного исследования.

Решение написать об исторической политике отдельную книгу далось непросто. Один из моих коллег, мнению которого я доверяю, как-то заметил, что проблема описания исторической политики вполне укладывается в рамки одной академической статьи. То обстоятельство, что в данном тематическом сегменте подавляющее большинство работ — это именно сборники статей¹ частично подтверждает

¹ См., например, наиболее известные публикации за последнее десятилетие: Müller J.-W. (ed.). *Memory and Power on Post-War Europe. Studies in the Present of the Past*. Cambridge University Press, 2002; Brunnbauer U. (ed.). *(Re)Writing History: Historiography in Southeast Europe after Socialism*. Munster: LIT Verlag, 2004; Lebow R. N., Kansteiner W., Fogu C. (eds.). *The Politics of Memory in Postwar Europe*. Durham; London: Duke University Press, 2006; Kopeček M. (ed.). *Past in the Making. Historical Revisionism in Central Europe after 1989*. CEU Press, 2007; Antohi S., Trencsényi B., Apor P. (eds.). *Narratives Unbound. Historical Studies in Post-Communist Eastern Europe*. CEU Press, 2007; Pakier M., Stråth B. *A European Memory? Contested Histories and*

справедливость приведенного замечания. Поскольку значительная часть этой книги была уже написана, я, встревоженный перспективой стрельбы из пушки по воробьям, потребовал от этого же коллеги аргументов в пользу монографического формата темы. Он проявил солидарность, высказав соображения, которые я привожу в своей интерпретации.

В самом общем виде интерпретация тенденций, действий акторов и результатов исторической политики действительно может вписаться в формат одной статьи или главы в тематическом сборнике. Однако подробный отчет, в исторической ретроспективе позволяющий отследить генеалогию явления, называемого исторической политикой, требует более масштабного формата, особенно если речь идет об исследовании, помещающем историческую политику в более широкий географический и политический контекст, чем границы одной страны. Ободряющим примером стали работы коллег, также решившихся объять необъятное, взявшись за похожие темы именно в формате книги, и собственный опыт исследования некоторых важных аспектов явления¹.

Politics of Remembrance, Berghahn Books, 2010; Politics of Memory in Post-Communist Europe (History of Communism in Europe). Series: History of Communism in Europe. Zeta Books, 2010; Miller A., Lipman M. (eds.). The Convolutions of Historical Politics. CEU Press, 2012; Blacker U., Etkind A., Fedor J. Memory and Theory in Eastern Europe. Palgrave MacMillan, 2013; François É., Konczal K., Traba R., Troebst S. Geschichtspolitik in Europa seit 1989, Deutschland, Frankreich und Polen im internationalen Vergleich. Wallstein Verlag 2013; Pakier J., Wawrzyniak M. (eds.). Memory and Change in Europe. Eastern Perspectives. Berghahn Publishers, 2015; Tismaneanu V., Iacob Bogdan C. (eds.). Remembrance, History, and Justice. Coming to Terms with Traumatic Pasts in Democratic Societies. CEU Press, 2015.

¹ См., например: Wolfrum E. Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland. Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung 1948–1990. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1999; Fein E. Geschichtspolitik in Russland. Chancen und Schwierigkeiten einen demokratisierenden Aufarbeitung der sowjetischen Vergangenheit am Beispiel der Tätigkeit der Gesellschaft MEMORIAL. Munster; Hamburg; London: LIT Verlag, 2001;

ВСТУПЛЕНИЕ

Кроме того, на мой взгляд, Украина при всем сходстве процедур, практик, действий акторов и результатов исторической политики все-таки представляет собой достаточно специфический и сложный пример даже на фоне турбулентного постсоветского пространства — хотя бы потому, что манипулирование и злоупотребление прошлым в угоду сиюминутным интересам всеми участниками этого захватывающего занятия как на Украине, так и за ее пределами стали одной из предпосылок и частью процессов, приведших к аннексии Крыма, скрытого и явного разделения регионов по вопросам отношения к прошлому и войне в Донбассе.

Таким образом, эта книга — своего рода общий отчет об исторической политике на Украине, сделанный в общеевропейском контексте. Это попытка очертить основные тенденции и явления, связанные с использованием прошлого в интересах конкретных групп.

Книга состоит из трех разделов.

В первом разделе я очерчиваю концептуальные рамки данного исследования и предлагаю читателю набор базовых формулировок и понятий, не претендуя на какие-либо методологические новации. Здесь же я рассматриваю основные тенденции развития исторической политики в трех регионах: «Западной Европе», «Восточной Европе» и на постсоветском пространстве.

Касьянов Г. Danse macabre. Голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті — початок 2000-х). Наш час, 2010; *Stryjek T.* Ukraina przed końcem Historii. Szkice o polityce państw wobec pamięci. Warszawa, 2014; *Малинова О.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. РОССПЭН, 2015; *Гайдай О.* Кам'яний гість. Ленін у Центральній Україні. Лаурис, 2016. Когда эта книга была уже закончена, вышел труд на похожую тему объемом в 1200 (!) страниц. См.: *Гриценко О.* Президенти і пам'ять. Політика пам'яті президентів України 1994–2014: підґрунтя, послання, реалізація, результати. Київ: К.І.С., 2017.

ВСТУПЛЕНИЕ

Второй раздел посвящен описанию способов действий и функций основных акторов исторической политики на Украине: государства, негосударственных институтов и тех, без кого историческая политика была бы невозможна, — историков.

И наконец третий, самый объемный раздел посвящен практикам исторической политики: описанию и анализу действий, следствий и последствий. Я рассматриваю процесс «национализации» прошлого в его взаимодействии и борьбе с предыдущей советской версией украинской истории и памяти.

Как оказалось, даже формата монографии оказалось недостаточно для исчерпывающего отчета о теме, заявленной в названии. Много сюжетов и событий осталось за рамками этого исследования, многие затронуты достаточно поверхностно и схематично.

Я не претендую на то, что в своих рассуждениях мне всегда удавалось удержаться в рамках дисциплинарной объективности, удачно описанной А. Мегиллом. Я был не просто наблюдателем и свидетелем, но и участником описываемых в книге процессов. Я не ограничивался академическими дискуссиями и выходил со своими идеями и рассуждениями к более широким кругам слушателей, собеседников и оппонентов. Реакции, высказывания и действия «широких кругов любителей истории», как, впрочем, и многих коллег, решивших послужить делу исторической справедливости, создают атмосферу, не всегда пригодную для дыхания.

Мне, как и некоторым другим моим коллегам, пытающимся считать историю научной дисциплиной, а не только рупором правящего класса или «общественного интереса», довелось узнать о себе много нового. Я составил личную коллекцию эпитетов, угроз и специфических пожеланий в свой адрес, высказанных заочно и напрямую: мне удалось побывать

ВСТУПЛЕНИЕ

«рукой Москвы и Вашингтона», «либерастом», «засланным казачком»; разумеется, я не упоминаю тут словарный запас, характерный для заборов, общественных туалетов и риторики погромов. Может быть, эта коллекция когда-нибудь пригодится для понимания общественной атмосферы и уровня культуры общения того времени, когда о проблемах прошлого получили возможность высказываться не только интеллектуалы и специалисты, но и «люди с улицы», и недалеко ушедшие от них политики, и «акробаты пера».

В любом случае я старался удержаться в рамках взвешенного академического подхода к проблемам, содержащим заметный эмоциональный потенциал и ставящим этические вопросы. При этом ни само явление, ни подавляющее большинство его субъектов не вызывали и не вызывают у меня симпатий не только в силу этических, эстетических или профессиональных соображений, но и потому, что историческая политика и ее присные явно или имплицитно (в украинском случае все более явно) демонстрируют неумное желание заставить ходить строем людей, не приспособленных к этому увлекательному занятию.

В этом несколько затянувшемся исследовательском походе моральную, интеллектуальную и нередко организационную поддержку мне оказывали коллеги и друзья, которым я выражаю свою самую искреннюю благодарность.

Прежде всего это Алексей Миллер, с которым мы начали обсуждать проблемы взаимодействия истории и политики еще в середине нулевых: одним из результатов наших дискуссий стала книга, до сих пор вызывающая большой читательский интерес. Несмотря на дружеские отношения, а может быть, именно благодаря им наши дискуссии носили иногда весьма острый характер и мы нередко оставались не только при своем мнении, но и при взаимном уважении.

ВСТУПЛЕНИЕ

Не менее важным для меня было общение с Алексеем Толочко, ученым высшего класса, эрудитом и интеллектуалом, к счастью непубличным. Оба Алексея были первыми читателями и доброжелательными критиками этой книги.

Первоначальный вариант книги был прочитан и прокомментирован польским коллегой Томашем Стрыком — одним из наиболее компетентных исследователей современной украинской историографии и политики памяти.

Комментарии профессионалов такого калибра, несомненно, способствовали повышению качества текста. Многие из их замечаний и предложений, особенно касающихся крайностей интерпретаций, я учел, многие оставил за полями, так что мои друзья и коллеги причастны к сильным сторонам книги. За все ее недостатки отвечает только автор.

На разных этапах помощь в сборе материалов и работе над текстом оказывали мои аспиранты — Александра Гайдай и Андрей Любарец, я признателен им за их время и старания и надеюсь, что наше сотрудничество было взаимовыгодным.

Финансовую и организационную поддержку в работе над книгой я получал в рамках украинско-швейцарского проекта «Украина регионов», слова благодарности я адресую гражданам Швейцарии: Кармен Шайде, Ульриху Шмидту и Бенедикту Хаузеру.

Большая часть текста этой книги была подготовлена во время стажировки в Коллегиуме имени Имре Кертеса Университета Йены (Германия). Особая благодарность группе *Students assistance* за помощь в снабжении литературой и освоении работ немецких коллег. Окончательная версия текста сложилась в период моего пребывания в Базельском университете в рамках программы *Ukrainian Research Initiative in Switzerland (URIS)*.